

Светом мир богат

К 80-летию со дня рождения Мусы Джалиля

Однажды близкий друг спросил поэта:

— Что ты любишь больше всего на свете?

Поэт подумал и ответил:

— Больше всего люблю детей.

— Почему?

— Потому, — последовал ответ, — что дети для меня не просто ребятишки. Они — олицетворенная любовь к жизни, женщине, отчому дому. Они — наше продолжение во времени. Как же можно не любить детей, друг мой!

Был один из теплых дней последней предвоенной весны. Они наступили тогда в Казани как-то неожиданно, сразу после затянувшихся заморозков и холодных ветров. Друзья шли по берегу Волги, прислушиваясь к задорным гудкам пароходов.

— Я непременно напишу стихи ребятам, — сказал поэт, наблюдая, как мимо них сменяли малыши из ближнего детского сада.

И он сдержал свое слово. Два с половиной года спустя в его самодельном блокноте появилось стихотворение «Цветы». Оно было адресовано детям. Поэт звал юных друзей на зеленые луга, где можно бегать по траве, любоваться алыми маками и белыми нарциссами. Он говорил: в цветах можно услышать сердцебиение родной земли, за которую сложили головы ваши отцы и старшие братья. Эта земля выпестовала нас, и, познав горе и муки, мы одолели беду. Вы, дети, — цветы земли, на ваших лицах играет свет грядущего. Пусть же вас всегда нежит благодатный рассветный ветер...

Под стихотворением дата: 9 ноября 1943 года. Великая Отечественная война советского народа против гитлеровских захватчиков была в самом разгаре. Но поэт уже видел весну нашей Победы. И к детям этой весны он обращался из каменного мешка Моабитской тюрьмы — злобещего берлинского застенка, где каждый камень был пропитан кровью борцов против фашизма.

В августе 1944 года поэт был казнен. Несколько им написанных блокнотов соседям по камере удалось сохранить. После войны о мужестве и стихах советского татарского поэта узнали миллионы людей. Его имя — Муса Джалиль. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первые же публикации моабитских произведений Мусы Джалиля вызвали огромный общественный интерес. Людей потрясли строки, правда которых оплачена самой дорогой ценой — жизнью.

«Моабитская тетрадь», удостоенная Ленинской премии, — сборник стихотворных произведений. Но это и документ высокого политического звучания. Это поэтическая кардиограмма сердца человека нового мира. Поэта, волей обстоятельств оторванного от родной среды и в невыносимо жестоких условиях сохранившего твердость духа, готовность к борьбе, веру в торжество жизни. В угрюмых фашистских казематах Муса Джалиль чувствовал себя частицей свободного народа, ведущего беспримерную битву против зла и мрака. И потому его образ, встающий со страниц книги, воспринимается как воплощение мужества, преданности красному знамени Отечества.

Мой друг, ведь наша жизнь — она лишь искра
Всей жизни Родины, страны побед.
Пусть мы погаснем — от бесстрашной смерти
В Отчизне нашей ярче вспыхнет свет.

Все круги ада прошел Муса Джалиль в заточении и ни разу не поступился человеческим достоинством, ни на одно мгновение не впал в отчаяние. Стихи запечатлели самые разнообразные его переживания,

раздумья, но среди них нет чувства страха.

— Жизнелюбие — вот что сильнее всего поразило меня в «Моабитской тетради», — признавался Герой Советского Союза Сергей Борзенко автору этих строк. — Ведь в самых трагических его стихах есть выход к надежде, к свету. И тут же — юмористические строки. Помните «Соседей» с их плутовкой козой, чуть не поссорившей двух приятелей? А «Влюбленный и корова», «Простуженная любовь»... Трудно поверить, что такие, брызжущие весельем стихи написаны под топором палача.

Не только в стихах, Джалиль и в жизни никогда не терял чувства юмора. Его тюремные товарищи вспоминали дни, когда руки и ноги поэта заковали в кандалы. Как-то по коридору каземата Джалиля повели на допрос, и узник из соседней камеры окликнул: «Как твои дела, Муса?» С вытянутыми вперед руками, едва передвигая ноги, Джалиль ответил: «Во всяком случае, лучше, чем у Гитлера!»

Ничто не могло сломить его волю. Он и здесь чувствовал себя борцом. Таким поэта воспитала Родина.

О Мусе Джалиле, его жизни мне многое рассказывал задушевный друг поэта писатель Гази Кашшаф — он отдал немало времени и сил установлению обстоятельств гибели автора «Моабитской тетради», а также подготовке к печати его литературного на-

следия. По словам друга, Джалиль с юных лет тянулся к общественной работе, за дело брался увлеченно, любил шутку, был душой молодежных вечеров. Джалиль — из поколения комсомольцев 20-х годов, и жизнь этого поколения вошла в его довоенные произведения широко и подробно. В строках, открывающих первую на русском языке книгу Джалиля «Стихи» (1935 г.), он сказал о себе так:

Я прошел сивоз учебу,
Сивозь годы работы
И гражданской войны.
Я вливал мою молодость
Каплями пота

В новостройки страны.

Его дни и ночи были заполнены до предела. Он писал стихи и пьесы, очерки и литературные обзоры, рецензии и статьи по теории критики... Его пути пролегли через многие заводы и колхозы: он хотел все видеть своими глазами, судить о людях, их делах не понаслышке.

Незабываемые впечатления остались у Джалиля от I Всесоюзного съезда советских писателей — поэт был делегатом от литераторов Татарии. После съезда — новые замыслы, работа о переводах на татарский язык произведений Пушкина и Шевченко, Маяковского и Г. Табидзе...

Большое место в его творческих исканиях занимала песня, музыка. Более двадцати песен — таков итог его сотрудничества с татарскими композиторами. Ноты и текст одной из них — «Посвящение Джамбулу» — поэт преподнес знаменитому казахскому акыну, с которым встретился и беседовал в Москве. Джамбула обрадовала весть о скором открытии в Казани национального

театра оперы и балета — это событие Джалиль приближал, как только мог. Для нового театра поэт по народным мотивам написал либретто оперы «Алтынчэч» — «Золотоволодая» (музыка Н. Жиганова).

Композиторы, артисты, журналисты — каждый считал Мусу коллегой по своему делу, — рассказывал Гази Кашшаф. — Литераторы избрали его ответственным секретарем Союза писателей Татарии. Мы ценили его разносторонний талант, высокую культуру, нам нравились его неуемность в делах, простота, искренность, тактичность в обращении с людьми. Он радовался появлению удачного стихотворения, интересного рассказа, содержательной рецензии, не говоря уже о крупных вещах. К работе, выполненной кое-как, к небрежности в слове относился непримиримо — не делал скидок ни друзьям, ни именитым авторам. О собственных просчетах говорил откровенно и остро, не рисуясь и не бия себя в грудь. «Нам не пристало ни жить, ни писать вопли», — запомнилась фраза из его выступления. — Мы — на передовой».

С самого начала гитлеровского нашествия Джалиль стал стремиться и на передовую линию фронта. «Перо положил я в походную сумку, а рядом висит за плечом автомат», — строки, написанные во время обучения на краткосрочных курсах военных политработников. И вот — Волховский фронт. Корреспондент газеты «Отвага» Второй ударной армии Муса Джалиль рядом с воинами — в окопе, в походе.

По ночам, примостившись у солдатского огонька, он писал стихи. В них — восхищение бойцом, что погиб, но преградил путь вражескому отряду («Мост»). Признание в любви Украине, изнывавшей от ран («Братство»)...

Стихи 1942 года. Тогда же в Казани вышел сборник Джалиля «Клятва артиллериста». Автору увидеть его уже не пришлось. При прорыве из окружения Муса был тяжело ранен, оглушенный взрывом, потерявший сознание, попал в плен к фашистам.

Его привезли в концлагерь, но и там он остался верным себе. Гитлеровцы решили организовать из пленных — уроженцев национальных республик Поволжья — легион «Идель-Урал» и направить его против Советской Армии. Джалиль и его друзья создали подпольную группу, наладили печатание листовок и в конце концов сорвали замыслы противника. По доносу провокатора гестапо напало на след патриотов, зверски расправилось с ними.

Среди стихов, написанных в заточении приговоренным к смерти поэтом, есть такие:

Я вижу вновь,
как светом мир богат,
Я слышу счастья
веянья живые.

Этот свет сохранил для мира и он, поэт-коммунист Муса Джалиль.

...На берегу Волги, вблизи Казанского кремля, возвышается памятник автору «Моабитской тетради». Сюда приходят и стар и млад. Они приносят букеты цветов, и кажется, что розы и гвоздики, положенные к пьедесталу, зацвели от тепла человеческих сердец, от чувств возвышенных и благородных.

Дети всматриваются в лицо поэта. Вряд ли им известно, что когда-то неподалеку от этого места Джалиль говорил другу о любви к ребятишкам и дал слово написать о них стихотворение.

Это стихотворение дети знают. И знают, что оно не только о них, но и о будущем.

О будущем родной земли, чьим верным сыном поэт был и остался навеки...

С. КОШЕЧКИН.